

КРИТИКА «БУРЖУАЗНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ» ИДЕИ СОРАЗМЕРНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ В УЧЕНИИ О ПРАВЕ Е.Б. ПАШУКАНИСА

Евгений Брониславович Пашуканис (1891–1937) – известный советский ученый-правовед, автор так называемой меновой теории права.

В основе учения о праве Е.Б. Пашуканиса лежит идея о том, что правовые отношения возникают одновременно с товарно-денежными отношениями и именно ими вызываются к жизни: «Юридическое отношение между субъектами есть только другая сторона отношения между продуктами труда, ставшими товарами». Таким образом, товаровладельцы являются субъектами права, а общество, характеризующееся высокой плотностью общественных связей и возрастающей социальной мощью, – своего рода рынок. Государство, будучи отделенным от общества, обезличенным, в свою очередь, выступает гарантом этих товарно-юридических отношений, в том числе и в уголовно-правовой сфере.

Происхождение уголовного права ученый связывает с обычаем кровной мести, который со временем эволюционирует в принцип талиона «око за око, зуб за зуб». Именно в этой метаморфозе Е.Б. Пашуканис усматривает проникновение идеи эквивалентности – важнейшей предпосылки товарно-денежных, а значит, и правовых отношений – в учение о наказании. Ученый отмечает, что «преступление можно рассматривать как особую разновидность оборота, в которой меновое, то есть договорное, отношение устанавливается *post factum*, то есть после своевольного действия одной из сторон. Пропорция между преступлением и возмездием сводится к той же меновой пропорции». В подтверждение своего тезиса Е.Б. Пашуканис ссылается на Аристотеля, который рассматривал преступление как сделку, совершаемую против воли одного из участников, справедливость (уравнивающая, коммутативная справедливость) которой заключается в пропорциональности причиненного преступником вреда и наказания за него.

Ученый отстаивает позицию, что уже архаичный уголовный процесс имеет характер коммерческой сделки, так как его целью в конечном итоге являлось не столько урегулирование общественных отношений, сколько доход должностных лиц, осуществляющих правосудие, – «справедливое возмездие за потерю времени и беспокойство». По мере развития феодальных отношений господствующий класс использует право в целом и уголовное право в частности как «средство беспощадной и жесткой расправы с „лихими людьми“, то есть в первую очередь с крестьянами, бежавшими от невыносимой эксплуатации помещиков и помещичьего государства, с пауперизированным населением, бродягами, нищими etc. Наказания становятся средством или физического истребления, или устрашения».

По мере перехода к буржуазному типу государство все более принимает форму орудия поддержания классового господства и удержания в повиновении эксплуатируемых классов. Е.Б. Пашуканис отмечал: «Уголовная юрисдикция буржуазного государства – это организованный классовый террор, который лишь по степени отличается от так называемых исключительных мер, применяемых в моменты гражданской войны». Ученый называет сознательными или бессознательными извращениями действительности те теории уголовного права, которые выводят принципы карательной политики из абстрактных интересов всего общества, так как только полное исчезновение классов даст возможность построить систему карательной политики, из которой будет исключен всякий элемент антагонизма.

Говоря об уголовном праве, правовед делает логичный вывод о том, что оно входит составной частью в юридическую надстройку, то есть в право в целом, и воплощает в себе одну из разновидностей той основной формы, которой подчинено общество, – формы эквивалентного обмена со всеми вытекающими из нее последствиями. Далее Е.Б. Пашуканис отмечает сходство судебного процесса и сделки. Так, потерпевший и прокурор выступают своего рода продавцами и требуют максимальную «цену» от преступника-«покупателя», который, в свою очередь, просит снисхождения – «скидки», а суд, как рынок с его законами, постановляет по справедливости. Реализация же в уголовном процессе психологической теории вины с ее категориями прямого и косвенного умысла, легкомыслия и небрежности, по мнению ученого, предназначена лишь для «уточнения условий будущей судебной сделки» и связана «с коренным индивидуализмом буржуазного общества».

Детерминация вида и меры наказания виной принципиально представляет собой ту же форму, что и возмездие, соразмерное с ущербом. Математическое или числовое выражение наказания есть та специфическая форма, в которой буржуазно-капиталистическое уголовное право осуществляет начало эквивалентного воздаяния, связанное с представлениями об абстрактном человеке и абстрактном человеческом труде, измеряемом временем. Автор называет нелепой, и в этом с ним трудно спорить, идею, «будто тяжесть каждого преступления может быть взвешена на каких-то весах и выражена в месяцах или годах заключения».

Подобная «товарно-юридическая» форма правосудия, по мнению Е.Б. Пашуканиса, неэффективна, так как изначально законодатель, а затем судья должен сосредоточиться не на приведении преступления и наказания в некую соразмерность, а на соответствии применяемых мер целям уголовного права – охранению общества, воздействию на преступника и т. д. В качестве аргументов данной позиции ученый отмечает, что зачастую интерес у общества вызывает не конечный результат правосудия в широком смысле слова – исправление личности, а «эффектный момент произнесения приговора и определения „меры наказания“». Еще одним немаловажным моментом является то обстоятельство, что социум акцентирует внимание на процедурном аспекте судебного процесса в ущерб его эффективности. Так «буржуазное правосудие прилагает все заботы, чтобы сделка с преступником состоялась по всем правилам искусства, то есть чтобы каждый мог убедиться и проверить, что расплата назначена по справедливости (гласность судопроизводства), чтобы преступник мог свободно поторговаться (состязательность процесса), чтобы он при этом мог воспользоваться услугами опытного судебного дельца (допущение защиты)

и т. д. Словом, государство ставит свое отношение к преступнику в рамки добросовестного коммерческого оборота, в чем и состоят т. н. уголовно-процессуальные гарантии».

Развивая мысль Е.Б. Пашуканиса, в конечном итоге можно прийти к выводу, что преступник знает то количество своей свободы, которое он заплатит в результате судебной сделки, и идет на нее вполне осознанно. А если так, то можно ли в такой ситуации говорить о достижении таких целей уголовного закона как перевоспитание (исправление) преступника или возмездие?

Здесь нужно сказать, что сам Е.Б. Пашуканис выход из сложившейся ситуации видел в смене подхода от наказания как возмездия/воздаяния к наказанию как целесообразной мере защиты общества и исправлению социально опасной личности. По его мнению, «последовательное проведение принципа охраны общества требовало бы не зафиксирования отдельных составов преступления (с чем логически связана мера наказания, определяемая законом или судом), но точного описания симптомов, характеризующих общественно-опасное состояние, и разработки тех методов, которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество». К сожалению, дальше обозначенных перспектив в своих рассуждениях на данную тему ученый не идет, однако отмечает, что это возможно лишь при ликвидации существующих товарно-правовых отношений и, в конечном итоге, отмирании юридической надстройки.

Примечательно, что многие из обозначенных вопросов (цель уголовного закона, виды наказаний и их пределы) не решены в теории уголовного права и на сегодняшний день. Возможно, оригинальные, но незаслуженно забытые идеи Е.Б. Пашуканиса позволят ученым-правоведам взглянуть на них под иным углом.

УДК 343.9

А.С. Горецкий

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ БОРЬБА С ОТДЕЛЬНЫМИ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируя основные задачи, стоящие перед правоохранительными органами Республики Беларусь, можно прийти к выводу, что их борьба с коррупционными преступлениями, совершаемыми должностными лицами, выступает одним из наиболее приоритетных направлений деятельности на современном этапе развития белорусской государственности.

В этой связи особый научный интерес представляет изучение исторического опыта борьбы с вышеуказанным видом преступности, так как данный аспект является объективной предпосылкой для надлежущей оценки текущего состояния, а также выработки перспективных направлений развития антикоррупционного законодательства и практики его дальнейшего применения.

На наш взгляд, основополагающие идеи борьбы с использованием чиновничеством своих служебных полномочий в девиантной форме и установления за это ответственности впервые нашли свое законодательное отражение и подверглись своеобразной форме систематизации в основных исторических памятниках Беларуси XVI в. – Статутах Великого Княжества Литовского (1529, 1566, 1588).

Необходимо отметить, что именно в указанный период в ВКЛ, политико-экономическим центром которого являлась белорусская земля, происходят наиболее масштабные преобразования в политической, социальной и экономической сферах жизни. К сожалению, история свидетельствует, что экономический подъем, укрепление права собственности и развитие гражданско-правовых отношений неразрывно связаны с желанием власть имущих использовать свое положение для достижения собственных корыстных целей.

Исторический анализ показал, что в исследуемом периоде на фоне централизации ВКЛ происходит процесс усиления власти великого князя. Закономерным итогом вышеуказанной тенденции явилось возникновение в Статуте 1529 г. норм, которые в развитии конституционных основ об ограничении панамы-радой полномочий князя, заложенных еще в грамоте Казимира (1447) и грамоте Александра (1492), строго регламентировали власть государя.

Так, согласно Статуту 1529 г. он должен был решать все дела только «для общей пользы» и с согласия панов-рады. Также можно отметить положение, закрепленное в ст. 25 разд. 1 «О парсуне господарской»: «Будучи в коруне Польской, не маеть господар никому ничого давати и привильев потверждати... штос я дотычеть купли, кождому у везде, и в панстве нашом, Коруне Полской, будучи, маем потверждати».

Однако не только правовой статус государя облекается в форму закона. Выступая верховным правителем и гарантом правопорядка, князь не только сам должен соблюдать закон, но и обязан заботиться о его соблюдении всеми должностными лицами и подданными государства.

В качестве яркого примера ограничения «вольностей шляхетских» и основания для привлечения привилегированного сословия к ответственности за совершенные преступления против порядка управления и правосудия можно привести требование, содержащееся в ст. 9 разд. 1 Статута 1529 г., о том, что «вси поданные наши, так вбогие, яко и богатые, которого роду колве або стану были бы, ровно а одностоайными писаными правом сужоны быти».

Особое внимание Статут 1529 г. уделял судебной системе. Законодатель обязывал судить в соответствии с буквой закона. В то же время ответственность за нарушение закона устанавливалась и в отношении самих судей: «Абы судили правом писаным, а естли бы судил иначей, маеть каран быти».

Впервые в Статуте 1529 г. появился раздел «О обороне земской», который содержал прямое указание на запрет совершения военачальниками (воинскими чинами) коррупционных преступлений в форме взяточничества.